

Сравнение диалога между тирадой и безмолвием поэмы «Великий инквизитор» Ф.М. Достоевского с рассказом Л.Н. Андреева «Молчание»

RYOICHI TOMARINO, *Waseda University*
r.tomarino@ruri.waseda.jp

Received: July 30, 2017.

Accepted: September 20, 2017.

АННОТАЦИЯ

В этой статье автор анализирует «молчание» как литературный приём выражения в поэме «Великий инквизитор» Ф.М. Достоевского и в рассказе «Молчание» Л.Н. Андреева. Достоевский и Андреев использует «молчание» как приём коммуникации в их произведениях.

Достоевский создаёт «монолог», в котором один только говорит, а другой только слушает, как особый характерное общение, в нём ощущается причастность обоих героев, и в то же время, это общение отличается от обычного диалога. Можно сказать, что данный «монолог» имеет особый характер взаимообщения. Здесь мы временно называем этот литературный приём «Диалог между тирадой и безмолвием»

Андреев показывает «диалог» с молчанием действующих лиц. Но его «молчание» как литературный приём отличается от Достоевского в некоторых отношениях. Мы рассмотрим рассказ «Молчание».

Как написал исследователь Андреева В.И. Беззубов, в произведениях Андреева стоит непреодолимая «стена» между говорящим и молчащим в отличие от Достоевского.

Можно предположить так: Андреев использует формально сходный с Достоевским приём в диалогах в рассказе «Молчание». Однако роль молчания здесь иная. Молчание Андреева не выступает в качестве связующего элемента общения. Наоборот, молчание в его рассказе мешает общению между действующими лицами, оно несёт скорее разделяющую функцию. Андреев так же персонафицирует невидимое молчание в гротескной манере. Молчание в его рассказе выступает в качестве одного из действующих лиц. В отличие от Достоевского молчание Андреева скорее отдаляет героев, не оставляя и луча надежды.

Ключевые слова: «Великий инквизитор», Ф.М. Достоевский, «Молчание», Л.Н. Андреев, диалог между тирадой и безмолвием.

Comparison of Dialogue Between Long Talker and Silence as a Literal Technique Between *The Grand Inquisitor* by F. M. Dostoevsky and *Silence* by L. N. Andreyev

ABSTRACT

In this paper author “silence” as literary technique in the poem *Grand inquisitor* by F.M. Dostoevsky and in the short story *Silence* by L.N. Andreev. Dostoevsky and Andreev use “silence” as communication tool in their works. Dostoevsky creates “monologue” as special communication. In this “monologue” one only speaks and the other only listens to. But there both characters feels like they join in the conversation. At the same time this communication is different from normal dialogue. It can be said that this monologue has special mutual communication. Here we temporarily call “Dialogue between tirade person and silence person”.

Andreev showed that “dialogue” with silence of main characters. But his “silence” as literal technique is different from Dostoevsky’s in a sense. We consider the short story *Silence*.

As researcher of Andreev V.I. Bezzubov reports, insurmountable “wall” stands between tirade person and silence person in Andreev’s work unlike Dostoevsky’s.

It is considered: Andreev uses literal technique formally similar to Dostoevsky’s in the dialogue of the short story *Silence*. However, here the role is different. Andreev’s silence is not the element of communication. On the other hand, silence in his short story interferes with communication between characters. Silence has the dividing function. Invisible silence is personified by Andreev in grotesque way at the same time. Silence in his work behaves as one

of the characters. Differing from Dostoevsky, Andreev's silence isolate other characters and leaves even a piece of hope.

Keywords: *Grand inquisitor*, F.M. Dostoevsky, *Silence*, L.N. Andreev, dialogue between tirade person and silence person.

Введение

В романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» в поэме «Великий инквизитор» один из главных героев, Великий инквизитор, произносит свою тираду перед Иисусом Христом¹⁰⁹ (далее – Христос), в то время как тот отвечает безмолвием. По форме его горячая речь является односторонним монологом, но после этого «монолога» душевное состояние Великого инквизитора меняется. Сначала он ведёт себя властно по отношению к Христу и даже хочет сжечь Его на костре. Однако, несмотря на это решение, после своего «монолога» упрямый Великий инквизитор испытывает страх перед Христом и отпускает Его. В то же время, как видно из приведенной ниже цитаты, Великий инквизитор не оставляет полностью своих убеждений. «Поцелуй (Христа) горит на его сердце. Но старик (Великий инквизитор) остается в прежней идее (Достоевский, 1976: 239)». Тем не менее, можно предположить, что после окончания этого «монолога», когда говорящий Великий инквизитор и безмолвный Христос расстались друг с другом, «монолог» продолжался ещё долго, или даже вечно в сердцах обоих героев.

Это показывает, что данный «монолог» имеет особый характер общения, в нём ощущается причастность обоих героев, и в то же время, он отличается от обычного диалога. Можно сказать, что данный «монолог» имеет особый характер взаимодействия. Подобный тип монолога является особым литературным приёмом.

1. Предыдущие работы безмолвия и тирады в диалоге

Теперь приведём те важные примеры, как внимание на безмолвие в диалогах в литературных произведениях или в реальном диалоге продолжится дальше.

М.Н. Эпштейн исследует роль безмолвия в русской культуре. Он рассматривает проблемы безмолвия и излагает отличие молчания от тишины в его журнале. Согласно его утверждению мы покажем его полезные два примера для спора в этом журнале.

Во-первых, Эпштейн пишет так: «*Молчание* следует отличать от *тишины* – естественного состояния беззвучия в отсутствие разговора. Предмет еще не выделен, пребывает, так сказать, в именительном падеже, еще не встал в предложный падеж, чтобы стать темой разговора – или молчания. Нельзя сказать «тишина о чем-то» или «быть тихим о чем-то» – тишина не имеет темы и не имеет автора, она, в отличие от молчания, есть состояние бытия, а не действие, производимое субъектом и относящееся к объекту (Эпштейн, 2005: 202-203)¹¹⁰». Эпштейн придаёт молчанию активное значение

¹⁰⁹ В поэме автор подразумевает Христа, однако не называет его по имени.

¹¹⁰ Malcolm Jones (2003). *Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience*. Princeton: Princeton University Press. p. 140.

как высказыванию.

Как Эпштейн цитирует в его журнале, М.М. Бахтин тоже пишет так: «В тишине ничто не звучит (или нечто не звучит) - в молчании никто не говорит (или некто не говорит). Молчание возможно только в человеческом мире (и только для человека) (Бахтин, 1963: 357)». Бахтин тоже думает, что молчание может тоже что-то сказать, даже если они молчат.

Во-вторых, Эпштейн указывает на то, что Андреев определяет, как молчание отличается от тишины (Эпштейн, 1963: 203). Андреев цитирует слова рассказчика в его рассказе «Молчание». Рассказчик скажет в рассказе так: «Со дня похорон в маленьком домике наступило молчание. Это не была тишина, потому что тишина - лишь отсутствие звуков, а это было молчание, когда те, кто молчит, казалось, могли бы говорить, но не хотят (Андреев, 1990: 199) ».

Насколько Андреев пишет, в некотором смысле молчание играет активную роль в диалоге. Слова Андреева подразумевают такой смысл: есть возможность, что молчание может передавать другим людям то, что не могут передать слова.

Согласно налёку Эпштейна мы ожидаем, что молчание одних действующих лиц в диалоге в произведении Андреева оказывается специальным литературным приёмом. В дополнение к этому, заглавие этого рассказа буквально называется «Молчание» и этот факт покажет, что Андреев обратит необыкновенное внимание на молчание в литературных произведениях.

Эпштейн сам утверждает, что молчание и тирада не совершенно противоположные понятия. Оба понятия пополняют друг друга. В диалоге молчание появится как парные понятие тирады и выдаётся под сильной тирадой (Эпштейн, 2005: 212-213). Его мнение служит хорошим ориентиром для нашего исследования.

Бахтин оставит такие комментарии ниже: «Особенно значительно и важно для наших последующих целей явление скрытой диалогичности, не совпадающее с явлением скрытой полемики. Представим себе диалог двух, в котором реплики второго собеседника пропущены, но так, что общий смысл несколько не нарушается. Второй собеседник присутствует незримо, его слов нет, но глубокий след этих слов определяет все наличные слова первого собеседника. Мы чувствуем, что это беседа, хотя говорит только один, и беседа самая напряжённая, ибо каждое наличное слово всеми своими фибрами отзывается и реагирует на невидимого собеседника, указывает вне себя, за свои пределы, на несказанное чужое слово (Бахтин, 1963: 264) ». Комментарии Бахтина очень подходят для нашего исследования, так как они указывают на то, что между персонажем говорящим и слушающим есть тайный диалог.

С.В. Крестинский анализирует функции молчания в коммуникации и классифицирует их. Крестинский заметит, что находится такая функция и объясняет: «*Контактивная функция* выражает способность акта молчание быть средством установления контакта между коммуникантами. Молчание может стать формой диалога. Это высшая форма взаимопонимания (Крестинский, 2011: 35) ». Крестинский пишет, что молчание, имея контактивную функцию, может послужить эффективным способом в диалоге и создать взаимопонимание между участниками диалога.

Д.В. Мухаметов исследует роль молчания как литературной приёма в русской литературе (Мухаметов, 2016: 77-82). Мухаметов пробует проводить анализ о том,

как использовать функцию слова молчания в произведениях Чехова, классифицируя их. Нас интересует, что Мухаметов проводит даже тираду перед молчащим как пример диалога того, что молчание персонажей в процессе коммуникации оказывает значительное влияние на процесс общения в его журнале (Мухаметов, 2016: 102).

В.Н. Бабаян исследует роль молчаливых как третье лицо, которое не участвует в диалоге, и их функцию (Бабаян, 2009: 95-100). Он также замечает важность молчащего слушателя в диалоге.

Из приведённой истории исследования видно, что молчание в литературном диалоге – это очень актуальный вопрос.

2 . «Безмолвие» как литературный приём в поэме «Великий инквизитор» Достоевского и в рассказе Андреева «Молчание»

Безмолвие в «диалоге» в русской литературе также напоминает нам рассказ «Молчание» Л.Н. Андреева 1990 г. В этом рассказе автор изображает долгое молчание в «диалоге» между священником Игнатием и его мёртвой дочерью Верой и между Игнатием и его женой Ольгой, с которой случился удар: у неё отняло всё тело и она не может говорить. Это диалог, в котором говорящий продолжает вести формальный монолог перед слушающими, похоже на специальный диалог Достоевского в поэме «Великий инквизитор». По какой причине Андреев написал такой диалог в его произведениях?

По предыдущим работам безмолвие имеет важную функцию в русской литературе. Мы можем предположить, что безмолвие Христа в поэме «Великий инквизитор» и семьи Игнатия в рассказе «Молчание» занимает важное место в произведениях. Автор этой статьи обращает внимание на диалог между тирадой и безмолвием, и до сих пор продолжает сравнивать «Великий инквизитор» русского писателя Ф.М. Достоевского с рассказом «Иисус на пожарище» японского писателя И. Дзун (Томарино, 2017: 122-130), а также сравнивает «Великий инквизитор» русского писателя Ф.М. Достоевского с романом «Молчание» японского писателя С.Эндо (Томарино, 2017: 92-104). Там автор рассматривает, какой эффект даёт контраст тирады и безмолвия в литературных произведениях.

Далее мы хотели бы кратко изложить содержание рассказа «Молчание», сравнивая его с поэмой «Великий инквизитор».

Главные действующие лица в рассказе «Молчание» Л.Н. Андреева - священник Игнатий, его жена Ольга Степановна и дочь Вера. По сюжету Вера недавно вернулась в свой родной дом из Санкт-Петербурга. Вероятно, что-то нехорошее случилось во время пребывания девушки в Северной столице. Игнатий и Ольга боятся за Веру и спрашивают у неё, что там случилось, однако девушка не отвечает родителям. Отец Игнатий сердится и больше не хочет разговаривать с дочерью. Через неделю после этого разговора Вера, сказав что идет погулять, вдруг совершает самоубийство, бросившись под поезд.

После известия о смерти дочери у Ольги случается приступ. Отец Игнатий несколько раз пытается общаться с умершей Верой в её комнате и на могиле, но в ответ слышит только молчание. Он также пытается разговаривать с Ольгой, но и в этом

случае ответом ему было только молчание.

Итак, какие параллели мы можем найти между диалогом Инквизитора с Христом в поэме Достоевского и диалогом Игнатия с умершей дочерью в рассказе Андреева?

В обычном смысле, разговор Игнатия с умершей Верой и с Ольгой, с которой случился удар, – это только монолог. Как и диалог между Великим инквизитором и Христом, диалог между Игнатием и Верой и диалог между Игнатием и Ольгой – монолог перед молчащими.

Однако необходимо отметить, что в обоих диалогах, и в поэме «Великий инквизитор» и в рассказе «Молчание», молчание производит сильное впечатление на говорящих. Великий инквизитор чувствует своего рода давление во время своего разговора с Христом «К чему же теперь пришел нам мешать? И что ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами своими? Рассердись, я не хочу любви твоей, потому что сам не люблю тебя. И что мне скрывать от тебя? Или я не знаю, с кем говорю? То, что имею сказать тебе, все тебе уже известно, я читаю это в глазах твоих (Достоевский, 1976: 234)». Христос не произносит ни слова. Тем не менее, по тому, как меняется тон Великого инквизитора, очевидно, что Христос оказывает сильное влияние на его душевное состояние.

Теперь приведём пример того, как Андреев выражает молчание в своём рассказе. «Так думал о. Игнатий, когда входил в комнату жены и встречал упорный взгляд, такой тяжелый, словно весь воздух обращался в свинец и давил на голову и спину (Андреев, 1990: 200)». «Молчание жены, смягченное стенами, было упорно, тяжело, как свинец, и страшно, так страшно, что в самый жаркий день о. Игнатию становилось холодно (Андреев, 1990: 200)». В обеих приведённых сценах молчание, в данном случае молчание жены Ольги, как свинец давит на Игнатия. То есть также, как и молчание Христа в поэме Достоевского, молчание в рассказе Андреева оказывает определенное давление на говорящего.

Таким образом, Достоевский и Андреев активно используют молчание как часть диалога в своих произведениях, и мы можем усмотреть ряд параллелей при использовании молчания в качестве литературного приёма в произведениях обоих писателей. Андреев даже выносит слово «молчание» в заглавие своего рассказа, что в свою очередь послужило одной из причин выбора нами данного рассказа для сравнения с поэмой «Великий инквизитор».

3. Отличительные черты «молчания» в диалогах Достоевского и Андреева

Как мы уже отметили ранее, в поэме «Великий инквизитор» Великий инквизитор произносит тираду перед слушателем Христом, который до самого конца сохраняет безмолвие. При этом внешний вид и внутреннее состояние слушателя остаются для нас неясными. В то же время, это звучит несколько парадоксально, но, кажется, будто безмолвие рельефно изображает образ молчащего Христа в тексте.

Однако в рассказе «Молчание» Андреев использует литературный приём молчания иначе. Приведём цитату из рассказа. «Долгим, холодным, как могила, и загадочным, как смерть, было молчание дочери. Словно самому себе было мучительно это молчание и страстно хотело перейти в слово, но что-то сильное и тупое, как машина,

держало его неподвижным и вытягивало, как проволоку. И где-то, на далеком конце, проволока начинала колебаться и звенеть тихо, робко и жалобно (Андреев, 1990: 200)». Лишившись Веры, которая могла превратить его в слова, нечто невысказанное осталось в виде молчания. Превратившееся в безмолвие это невысказанное нечто пытается облечь себя в форму слов без Веры, но что-то сдерживает его, и молчанию не удаётся стать словом.

Здесь ещё раз приведём ещё цитату определение разницы между молчанием и тирадой самим Андреевым: «Со дня похорон в маленьком домике наступило молчание. Это не была тишина, потому что тишина - лишь отсутствие звуков, а это было молчание, когда те, кто молчит, казалось, могли бы говорить, но не хотят (Андреев, 1990: 199)».

Из приведённого отрывка видно, что Андреев добавляет специальный и активное значение безмолвию в своём рассказе «Молчание». Eva Buchwald излагает своё мнение о том, что «Андреев всегда сознаёт женское молчание как элемент человеческого диалога. Молчание – это, правда, его определённый мотив его женских персонажей (Buchwald, 1990: 231)».

Короче говоря, Buchwald делает замечание о том, что давление – один из специальных функций молчания в рассказе «Молчание». Она пишет, что в рассказе бессловесному влиянию женского персонажа на этот рассказ принадлежит роль в том, что её молчание оказывает давление на эмоции Игнатия (Buchwald, 1990: 232).

В конце рассказа есть такая сцена: « – Вера, скажи! И с ужасом почувствовал о. Игнатий, что в ухо его вливается что-то могильно-холодное и студит мозг и что Вера говорит, – но говорит она все тем же долгим молчанием. Все тревожнее и страшнее становится оно, и когда о. Игнатий с усилием отдирает от земли голову, бледную, как у мертвеца, ему кажется, что весь воздух дрожит и трепещет от гулкого молчания, словно на этом страшном море поднялась дикая буря. Молчание душит его; оно ледяными волнами перекачивается через его голову и шевелит волосы; оно разбивается о его грудь, стонущую под ударами (Андреев, 1990: 205) ». Вера говорит долгим молчанием. В определённом смысле это естественно, потому что она уже умерла, но молчание как будто оживает вместо Веры и нападает на Игнатия. «Молчание гонит. Оно поднимается от зеленых могил; им дышат угрюмые серые кресты; тонкими, удушающими струями оно выходит из всех пор земли, насыщенной трупами (Андреев, 1990: 205)». Здесь очень многозначительное исследование о рассказе «Молчание» С. Фузии. Он пишет так: «Суть литература Андреева – беспокойство и страх и автор хорошо излагает их в рассказе «Молчание». Здесь Андреев никогда не написал тему о натуральном повести как прогресс события и судьба человека. Андреев покажет само молчание читателям. <...> Правда, Андреев подробно описывает молчание как абстрактное чувство после того, раз он персонифицирует молчание (Фузий, 1985: 26-27)».¹¹¹

Персонифицированное молчание гонит Игнатия, словно мертвеца, которое воскресает из могилы. Кажется, будто молчание хочет отомстить ему вместо Веры, которую Игнатий довел до самоубийства из-за своих назойливых обвинений.

Таким образом, в отличие от Христа в поэме «Великий инквизитор» в рассказе «Молчание» Вера как безмолвный слушатель исчезает из рассказа и оказывает

¹¹¹ Shozo Fujii (1985). *Roshia no kage: Souseki Natusme and Lu Xun*. Tokyo: Heibonsha, pp. 26-27. This quotation is translated from Japanese by the author of this article.

сильного влияния или давления на говорящего Игнатия. Молчание ведёт себя как один из героев рассказа. Андреев персонифицирует молчание в диалоге Игнатия с Верой. На наш взгляд, это самая замечательная особенность использования молчания как литературного приёма в данном рассказе.

4. Молчание как приём выражения диалога в диалогах Достоевского и Андреева

Здесь мы продолжаем сравнивать характерную черту диалога в поэме «Великий инквизитор» с диалогом в рассказе «Молчание».

Достоевский не показывает внешний вид и душу Христа. Только великий инквизитор может видеть образ Христа. Христос не говорит ни слова до конца поэмы. Однако ясно, что Христос оставит сильное впечатление у Великого инквизитора. Ведя диалог, великий инквизитор реагирует на молчащего Христа так: «К чему же теперь пришел нам мешать? И что ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами своими? Рассердись, я не хочу любви твоей, потому что сам не люблю тебя. И что мне скрывать от тебя? Или я не знаю, с кем говорю? То, что имею сказать тебе, все тебе уже известно, я читаю это в глазах твоих. (Достоевский, 1976: 234)». Яростные слова Великого инквизитора намекает на то, что безмолвие Христа производит какое-то давление великому инквизитору.

В поэме «Великий инквизитор» мы подтвердим, что Достоевский нарочно не показывает внешний вид и душу Христа, когда великий инквизитор продолжает вести тираду перед молчащим Христом в поэме «Великий инквизитор». Кажется, хоть это звучит несколько парадоксально, чем меньше писатель изображает образ Христа, тем более образ Христа станет впечатляющим.

Андреев описывает молчание в романе «Молчание» так: «Молчание жены, смягченное стенами, было упорно, тяжело, как свинец, и страшно, так страшно, что в самый жаркий день о. Игнатию становилось холодно. Долгим, холодным, как могила, и загадочным, как смерть, было молчание дочери. Словно самому себе было мучительно это молчание и страстно хотело перейти в слово, но что-то сильное и тупое, как машина, держало его неподвижным и вытягивало, как проволоку. И где-то, на далеком конце, проволока начинала колебаться и звенеть тихо, робко и жалобно (Андреев, 1990: 200)». Молчание в произведениях Андреева тоже частично имеет какое-то угнетение как в произведениях Достоевского. Можно сказать, что молчание Андреева как литературный приём своего рода «Диалог между тирадой и молчанием».

Однако в рассказе «Молчание» Ольга ложится на кровать в следующей комнате и её болезнь неизлечима. Вера тоже умирает и навечно исчезает из этого света. Это обозначает, что Игнатий чувствует это давление, даже когда молчащие слушатели не видны. Это исключительная черта молчания в произведении Андреева по сравнению Достоевского. Хотя бы Достоевского не изображает лицо и внешний вид Христа перед читателями в своём произведении, говорящий великий инквизитор может посмотреть образ Христа как собеседника.

Здесь в рассказе Игнатий только продолжает вести свой монолог. Невозможно найти коммуникацию между Игнатием и Верой, между Игнатием и Ольгой. Исследователь

Андреева В.И. Беззубов пишет, что «стена» □разлучает Игнатий на этом свете и Вера на том свете в рассказе и Андреев часто использует этот мотив стены в его разных произведениях (Беззубов, 1984: 90). Мы считаем, что этот высокая, широкая и твёрдая психологическая стена, через которую мы не можем перелезть в рассказе «Молчание». Например, есть такое выражение о молчании в этом рассказе. «Каждую ночь,- а они все теперь стали у него бессонными,- представлял он себе ту минуту, когда он и попадая в глухую полночь стояли у кровати Веры и он просил ее: «Скажи!», и когда в воспоминаниях он доходил до этого слова, дальнейшее представлялось ему не так, как оно было. Закрытые глаза его, сохранившие в своем мраке живую, не тускнеющую картину той ночи, видели, как Вера поднимается на своей постели, улыбается и говорит... Но что она говорит? И это невысказанное слово Веры, которое должно разрешить все, казалось так близко, что если отогнуть ухо и задержать биение сердца, то вот-вот услышишь его, и в то же время так безнадежно далеко. О. Игнатий вставал с постели, протягивал вперед сложенные руки и, потрясая ими, просил: – Вера!.. И ответом ему было молчание. (Андреев, 1990: 200-201) ».

Эта стена служит психологическим барьером и мешает коммуникации между отцом Игнатием и дочерью Верой, между мужем Игнатием и женой Ольгой. Следующее мнение В.И. Беззубова мы временно назовём в этом случае «молчание как психологический барьер».

Игнатий чувствует, что он может вести коммуникацию с мёртвой Верой до самого конца. Зато его оживление опять изменяют. Когда Игнатий посещает могилу Веры, ему кажется, что Вера нарушает молчание, и он может получить слово от своей мёртвой дочери. «И о. Игнатию чудилось, что если он скажет какое-то слово, которое он почти ощущал на своих устах, или сделает какое-то движение, Вера выйдет из могилы и встанет такая же высокая, красивая, какою была. И не только одна она встанет, но встанут и все мертвецы, которые так страшно ощутимы в своем торжественно-холодном молчании.

О. Игнатий снял широкополую черную шляпу, расправил волнистые волосы и шепотом сказал:<...> Вера, скажи!

И с ужасом почувствовал о. Игнатий, что в ухо его вливается что-то могильно-холодное и студит мозг и что Вера говорит,- но говорит она все тем же долгим молчанием. (Андреев, 1990: 204-205) ». В этой сцене сначала он думает, что Вера отвечает ему. Тем не менее, молчание опять изменяет Игнатия. Его желание разговаривать со своей дочерью никогда не исполнится. Мы можем подумать, что новая функция молчания – изменяющее молчание.

Таким образом, молчание в рассказе «Молчание» имеет более разные функции по сравнению с поэмой «Великий инквизитор» Достоевского.

Выводы

В нашем докладе мы рассмотрели особенности использования «молчания» в качестве литературного приёма в поэме «Великий инквизитор» Достоевского и рассказе Андреева «Молчание».

В «Великом инквизиторе» молчание является важной составляющей диалога,

и безмолвный слушатель (Христос) в данном случае играет роль собеседника. При этом, его внешний вид и внутреннее состояние остаются неясны. Тем не менее, на наш взгляд, именно благодаря подобному контрасту безмолвия Христа и тирады Великого инквизитора героям удалось более глубокое общение друг с другом, чем это могло бы быть передано в обычном диалоге. Можно сказать, что молчание в диалогах Достоевского играет положительную роль, оно призвано сблизить героев или, по крайней мере, вывести их на новый уровень общения.

Андреев использует в своих диалогах формально сходный с Достоевским приём. Однако роль молчания здесь иная. Молчание Андреева не выступает в качестве связующего элемента, элемента общения. Наоборот, молчание в его рассказе мешает общению между действующими лицами, оно несёт скорее разделяющую функцию. Андреев так же персонифицирует невидимое молчание в гротескной манере. Молчание в его рассказе выступает в качестве одного из действующих лиц. В отличие от Достоевского молчание Андреева скорее отдаляет героев, не оставляя и луча надежды.

Стоит также отметить, что в обоих произведениях прослеживается намёк на то, что герои, говорящие перед безмолвными слушателями, в конце концов, теряют душевное равновесие (возможно, даже сходят с ума). Это ещё одна важная общность между двумя рассмотренными сегодня произведениями.

Так, Иван говорит о Великом инквизиторе следующее: «Это мог быть, наконец, просто бред, видение девяностолетнего старика пред смертью, да еще разгоряченного вчерашним автодафе во сто сожженных еретиков (Достоевский, 1976: 228)». Здесь мы видим намёк на то, что возможно Великий инквизитор теряет душевное равновесие и впадает в бред.

В конце рассказа «Молчание» Игнатий обращается к жене Ольге со следующими словами: «– Мать... Оля... Пожалей же меня! – рыдал он. – Я с ума схожу(Андреев, 1990: 205)». Таким образом, можно проследить общее состояние героев обоих произведений, которое заключается в потере психического равновесия. В наших дальнейших исследованиях мы хотели бы уделить внимание этому вопросу, а именно, почему диалог с безмолвным собеседником приводит к изменению психического состояния (и, в конечном итоге, к сумасшествию).

Благодарность

Здесь мне хотелось бы выразить глубокую благодарность следующим лицам за их помощь в исследовательской работе: профессор университета Васэда Такаси Минамото, студентка Государственного Социально Гуманитарного Университета Томарино Анастасии Романовне.

REFERENCES

- Андреев, Л.И., Андреева, И.Г., Верченко, Ю.Н., & Чуваков, В.Н. (Ред.). (1990). *Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1*. М.: Худож. лит.
- Бабаян, В.Н. (2009). Молчащий наблюдатель и феномен молчания как коммуникативная

- стратегия в диалоге. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Философия и искусствоведение*. Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/molchaschiy-nablyudatel-i-fenomen-molchaniya-kak-kommunikativnaya-strategiya-v-dialoge>
- Бахтин, М.М., & Бочаров, С.Г. (Ред.). (1963). *Проблемы поэтики Достоевского* (2-е изд., перераб. и под.). М.: Сов. писатель.
- Беззубов, В.И. (1984). *Леонид Андреев и традиции русского реализма*. Таллин: Ээсти раамат.
- Достоевский, Ф.М. (1976). *Полное собрание сочинений: 30 т. Т. 14*. Л.: Наука. Эпштейн, М.Н. (2005, October 10). Слово и молчание в русской культуре. *Звезда*, 10, 202-222.
- Крестинский, С.В. (2011). Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе. *Вестник ТвГУ. Серия «философия»*. Retrieved from: http://eprints.tversu.ru/3423/1/Крестинский_С._В._С._34-37.pdf
- Мухаметов, Д.Б. (2012). Молчание как компонент русской культуры. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Retrieved from: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2012_5\(3\)/13.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2012_5(3)/13.pdf)
- Мухаметов, Д.Б. (2013). Молчание в зоне чеховских персонажей (на материале прозаических произведений). *Известия южного федерального университета. Филологические науки*. Retrieved from: <http://www.philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfphilol/index>
- Томарино, Р. (2017). Образ Христа в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и в рассказе Дзюна Исикавы «Иисус на пожарище». *Достоевский и современность: Материалы XXXI Международных Старорусских чтений 2016 года*, 112-121.
- Томарино, Р. (2017). Безмолвный Христос и говорящий Христос в произведениях русской и японской литературы. Сравнительный анализ поэмы Ф.М. Достоевского «Великий инквизитор» и романа С. Эндо «Молчание». *Соловьёвские исследования, Выпуск 2 (54)*, 92-104.
- Фузий, С. (1985). *Вечер из России: Соусэки Нацумэ и Лю Фун*. Токуо: Heibonsha.
- Buchwald, E. (1996). The silence of rebellion: women in the work of Leonid Andreev. In R. Marsh (Ed. and Trans.), in *Gender and Russian Literature: New perspectives* (pp. 229-243). Cambridge: Cambridge University Press.
- Malcolm, J. (2005). *Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience*. United Kingdom: Anthem Press.